

Памяти Андрея Брушлинского
посвящается

V ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ПСИХОЛОГИЯ И ЕЕ ПРИЛОЖЕНИЯ”*

При проведении V Всероссийской конференции РПО в январе 2002 г. нами была введена новая форма: вместо пленарных докладов с “пестрой” тематикой, проходящих без обсуждений, были проведены пленарные дискуссии по выбранным направлениям с участием присутствующих на конференции. Предложенная форма пленарных заседаний признана участниками конференции более оптимальной и получила развитие на проходившей вслед за ней конференции “Фундаментальные проблемы психологии: личность в исторической психологии”, организованной Санкт-Петербургским психологическим обществом.

Напомним читателю, что пленарные дискуссии проходили в соответствии с основными направлениями, намеченными программным комитетом: 1) Психология в системе наук; 2) Психология – наука или система наук?; 3) Психология как профессия.

В дискуссии по первому направлению “Психология в системе наук” участвовали член-корр. РАН А.В. Брушлинский, проф. Ю.И. Александров, академик РАН В.А. Лекторский, проф. В.А. Ядов и ведущий ее академик РАО А.И. Донцов. В выступлении А.В. Брушлинского были освещены основные проблемы, которые существуют и возникают в психологии и в системе наук, наиболее тесно с ней связанных: философии, социологии, физиологии. В прошлой публикации (“ПЖ”, № 4, 2002 г.) я остановилась на первой части дискуссии – соотношении психологии и философии. В качестве второй проблемы Брушлинский рассмотрел соотношение психологии и социологии. Проблема, с его точки зрения, интересна и заключается в том, что психологию, тем более социальную психологию, трудно отдифференцировать от социологии: они взаимопроникают. Всегда считалось, что психология работает на малых выборках, а социология – на больших. В настоящее время это различие снято. А.В. Брушлинский сослался на мнение Т.И. Заславской о том, что психология на основании определенных фактов идет вглубь, а социология – вширь. Это взаимо-

проникновение идет не по принципу дополненности, а по сути.

В.А. Ядов начал свое выступление с утверждения о том, что психология и социология – близнецы. Многие выдающиеся психологи приняты в социологическом сообществе как равноправные коллеги: Тард, Ле Бон, Фрейд, Гилфорд, великий Олпорт – теоретик аттитудной концепции и многие другие.

Вместе с тем Ядов отметил, что, как только мы имеем дело с индивидом, границы дисциплин стираются. Другое дело – концептуальные интерпретации, ибо для психолога личность есть неповторимая индивидуальность, а социолог рассматривает ее в качестве социального типа: проекции социальной системы или, если угодно, культуры, т.е. как социализированное нечто. Энтони Гидденс назвал такой подход представлением индивида в роли “социального болвана”. Он, конечно, преувеличил вклад социогенеза, но суть различий социологического и психологического подходов сформулировал верно. Затем Ядов возразил Брушлинскому, который упомянул об истинности наших представлений о социальных реалиях российского общества и вообще об истинности утверждений социальных исследователей. По его мнению, лишь в жестких науках, например, в физике высоких энергий, можно использовать принцип дополненности Бора – рассчитать погрешности применения инструмента анализа координат и массы элементарной частицы. В области социологии же никто не возьмет на себя ответственность произвести такой расчет: “Мы просто не знаем истинную картину социальной реальности по той причине, что каждый конструирует ее по своей схеме. Вчера мы ее представляли в марксистско-ленинских категориях, сегодня – как кому ближе. И кто осмелится сказать, что та или иная конструкция более близка к истине?”

Дискуссия немецких мыслителей позапрошлого века (Виндельбанд и другие) о различиях естественных и гуманитарных наук, в итоге которой западный академический мир полагает науками математику и физику, а нас относит к гуманитариям, свое дело сделала. Например, чиновники Министерства науки (оно многократно переиме-

* Окончание. Начало в № 4, “Психолог. журнала” 2002 г.

новывалось, так, что не берусь аккуратно его назвать), говоря о научной политике, гуманитариев не принимают в расчет: для них это не наука, а что-то иное, по крайней мере, не заслуживающее заметных субсидий.

Вопрос: можно ли рассуждать об истинности психологических и равно социологических умозаключений? Если придерживаться классического представления о науке, – нельзя. Мы не способны экспериментально подтвердить ничего существенного, выйдя за пределы лаборатории, где, кстати, подопытными у психологов обычно выступают студенты. Потому Серж Московичи стал одним из инициаторов создания Европейской ассоциации социальных психологов (в противовес американцам), имея в виду изучение социально-детерминированного поведения не в лабораторных, а в естественных условиях”.

Поэтому понятно, что В.А. Ядов задал вопрос: “Что же истинно в наших заключениях?” И ответил: «Приходится согласиться с постмодернистами: истины нам понять не дано, надо предлагать максимально богатое толкование фактуральных данных. Постмодернистское отношение к научному знанию мне представляется вздорным, потому что здесь любая концепция – игра по некоторым правилам, причем равно возможны и другие правила. Это, говоря обыденным языком, – шулерство, подмена правил в ходе игры. Отсюда словечко “дискурс” – кто кого переговаривает, ибо истины как таковой не усматривается. Я толкую своим студентам: если не верите, что заняты наукой, говорите “дискурс”, если думаете, что можно приблизиться к пониманию и объяснению реальности, говорите – “дискуссия”.

Так что же представляет более или менее обоснованное знание в нашей области? Я хочу напомнить принцип деятельностно-активистского подхода к этой проблеме, т.е. принципы, которых придерживаются такие социологи-теоретики, как Бурдьё, Гидднес (кстати, единственный почетный академик РАН по социологии), Маргарет Арчер, Петр Штомпка и другие. Принцип этот состоит в том, что при обилии разных теоретико-методологических подходов разумно объяснить эмпирические и иные факты с разных концептуальных позиций. Они взаимодополняют друг друга, они комплементарны, по выражению Жоржа Дюмазедье. Именно он предложил такой выход из тупика множественности социальных теорий. В итоге мы получаем: психология и другие науки взаимодополняют понимание и объяснение разными методами установленных реалий, и кто знает, где доминирует личность, а где социум?»

В качестве иллюстрации Ядов приводит воспоминание об одной беседе: «В конце 1960-х в Тбилиси состоялась международная конференция по проблеме установки, социальной установки – ат-

титюда и поведенческой, по Узнадзе, – “ганцхоба”. Я был приглашен на вечер к Шота Надирашвили – директору института психологии Академии наук Грузии, преемнику великого Узнадзе. Спрашиваю его: “Шота, можете ли вы в конце-концов определить, каков вклад индивидуально-генотипического и социального в установку?” Он говорит: “Послушай, ты можешь определить пропорции разных факторов в событии? Давай сделаем эксперимент. Ты бери эту воронку и заткни ее пальцем. Теперь, друзья, несколько капель из ваших бокалов разных напитков слейте в воронку. А теперь, Владимир, убери палец и выпей. Ты можешь определить пропорции этих великолепных грузинских вин?”

Говоря серьезно, мы действительно не способны установить численные пропорции индивидуально и социально личностного. Но стремится к истинности знания мы вынуждены. И в этом я согласен с Андреем Владимировичем».

Третьей, и пожалуй для психологии самой сложной, обсуждалась проблема соотношения психологии и физиологии. Остановившись на исторически традиционных подходах к ее решению, психофизиологическому параллелизму, физиологическому редукционизму, Брушлинский обратил внимание на продуктивность подхода С.Л. Рубинштейна, смысл которого заключается в понимании того, что действие закономерностей нижележащих форм организации распространяется на более вышележащие уровни. В то же время эти уровни имеют свои, специфические, не сводимые к нижележащим закономерности. Этот подход альтернативен принципу дополнительности Бора. Наличие приоритета закономерностей высших уровней, их иерархия делают взаимосвязь психологии и физиологии перспективной.

Выступление Ю.И. Александрова было построено как ответ на следующие вопросы: возможно ли формирование единой науки, которая заменит собой все остальные? В чем состоит специфика психофизиологии в рамках психологии? Каковы следствия применения процедуры синтеза данных, полученных в разных областях науки, без использования специальной методологии – “концептуального моста”? Бывает ли редукционизм “нейтральным”, “безопасным”? Как избежать редукционизма, ведущего к элиминативизму? Как избежать “когнитивного солипсизма”? Как можно себе представить соотношение генетической и нейронной компонент, субъективного мира, общества и культуры в терминах развития и какова роль психологии, психофизиологии, физиологии и других дисциплин в анализе этих соотношений?

Ю.И. Александров высказал мысль о том, что как в собственно науке, так и в обыденном сознании довольно распространено имеющее длительную историю представление о том, что развитие

междисциплинарных исследований приведет к замене отдельных областей науки новой единой наукой. Однако каким бы привлекательным и прогрессивным не казалось это представление, оно, видимо, неверно, поскольку “разнообразие наук отражает разнообразие целей, имеющихся у общества”, а разные виды описаний, разные типы мышления, характеризующие эти науки, “выполняют разные части работы”, и могут быть рассмотрены как взаимодополняющие инструменты (М. Midgley). Сказанное, конечно, не следует понимать как оправдание “изоляционистских” устремлений, тоже довольно распространенных. С одной стороны, изоляция научной дисциплины есть верный показатель ее ненаучности (М. Bunge). С другой – чем глубже проникает дисциплина в изучаемый предмет, тем более необходимыми становятся для нее контакты с другими дисциплинами (Б.Ф. Ломов). Таким образом, совместное существование разных дисциплин и их взаимозависимость – неперенная характеристика науки. В связи с этим проблема междисциплинарного контакта была и останется важнейшей проблемой, имеющей теоретическое и практическое значение.

Что касается психологии, то А.Р. Лурия в своем, как его назвал В.П. Зинченко, “антиредукционистском манифесте” утверждал, что вопрос о месте, которое занимает психология в ряду социальных и биологических наук, остается до сих пор одним из самых острых вопросов теории научного знания, и от его правильного решения в значительной степени зависит судьба психологической науки. Он совершенно справедливо характеризовал как неадекватные следующие три позиции: 1) отнесение психологии к числу естественных наук, связанное с “механистическими попытками свести психические явления к элементарным физиологическим”; 2) оценка психологии как общественной науки, связанная с “безнадежными попытками обнаружить истоки сознания внутри “человеческого духа””; 3) рассмотрение психологии как биосоциальной науки, связанное с отнесением “одних психических свойств к сфере биологических задатков, а других – к сфере социально обусловленного содержания”. Вместе с тем для Лурия было очевидно, что “психология рождается на границах общественных и естественных наук и только признание этого факта во всей его сложности определяет как основной предмет этой науки, так и ее подлинное содержание”. В согласии с идеей о “пограничном” положении психологии находятся точки зрения о том, что психология, являясь важнейшим связующим звеном между основными тремя группами наук: общественно-гуманитарными, естественными и техническими (А.В. Брушлинский), синтезирует достижения ряда других областей научного знания, выступая в качестве интегратора научных

дисциплин (Б.Ф. Ломов). Рассматривая в этом контексте психофизиологию, можно заметить, что традиционно понимаемая специфическая субзадача этого раздела психологии, обеспечивающего контакт последней с “заинтересованными” естественными дисциплинами (физиологией, нейронауками), зафиксирована в самом названии дисциплины.

В традиционной “коррелятивной” психофизиологии в качестве основного пути синтеза психологического и физиологического знания осуществляется прямое сопоставление, корреляция пространственных психологических процессов и феноменов с локальными физиологическими процессами. Такое сопоставление не требует специальной методологии, дополнительной к существующей в “контактирующих” областях, и ведет к обнаружению отдельных мозговых структур (а в последнее время – и отдельных нейронов), “продуцирующих” зрение, движение, эмоции, сознание, внимание, память, романтическую любовь и т.д. и т.п. Закономерности активации и деактивации специфических мозговых структур и рассматриваются в коррелятивной психофизиологии в качестве “физиологических механизмов” тех или иных “психических процессов и состояний”.

С одной стороны, обнаружение подобных корреляций может быть практически полезно, так как позволяет в ряде случаев достаточно точно оценивать и, что существенно, прогнозировать психическое состояние на основе объективных показателей. С другой – говоря о задачах фундаментальной науки, следует согласиться с N. Humphrey в том, что даже, если допустить, что однажды мы сможем точно предсказывать самые разные психические состояния на основе мозговой активности, это может никак не приблизить нас к пониманию того, почему та или иная мозговая активность связана с тем или иным психическим состоянием, и, следовательно, не даст нам возможность выводить одно из другого *a priori*. Кроме того, принципиальной характеристикой психофизиологии, использующей прямое сопоставление психического и физиологического, является редукционизм и неразрывно связанный с ним элиминативизм (I. Gold, S. Daniel). Под редукционизмом обычно понимается применение концепций и законов “более базовой” редуцирующей теории для объяснения феноменов, описываемых “менее базовой” редуцируемой теорией; взгляд, согласно которому мир может быть разбит на части, каждая из них изучена в отдельности, и на основании результатов этого изучения сделан вывод о закономерностях целого. Элиминативизм предполагает поэтапное замещение психологии нейробиологией и вытекает а) либо из представления о “правильности” психологии, “нефундаментальные термины” которой должны быть сведены к “более фундаментальному” уровню нейробиоло-

гии; б) либо из рассмотрения психологии как “ошибочного” описания, которое по этой причине должно быть заменено “правильным” нейробиологическим.

Ситуация с редукционизмом не так проста, как может показаться с первого взгляда. Редукционизм, во-первых, находится в соответствии с традиционной картезианской парадигмой и “объективирующей тенденцией”, присущей современной науке и философии. (Однако, как справедливо замечает Д. Серль, “не вся реальность объективна, некоторая ее часть субъективна; подлинная онтология ментальных состояний является онтологией от первого лица”.) Во-вторых, редукционизм часто рассматривается как наиболее мощный инструмент современной науки, обуславливающий ее эффективность (Е.О. Wilson). При учете данного выше понимания редукционизма, а также того, что “гораздо приятней редуцировать, чем быть редуцируемым” (М. Midgley), не вызовет удивления очевидный вывод, который был сделан на недавнем междисциплинарном симпозиуме в Стокгольме: доминирующая тенденция среди нейробиологов – редукционизм, среди психологов – антиредукционизм. Редукционистские взгляды не являются маргинальными. Они присущи многим современным ведущим нейробиологам и нейрофилософам: Р.М. и Р.С. Churchland, G.M. Edelman, F. Crick, S. Zeki и многим др.

Критика картезианской парадигмы и связанных с ней редукционистских позиций была многократно приведена в литературе. Эта критика во многих случаях, с моей точки зрения, хорошо обоснована и поэтому ее повторение здесь вряд ли целесообразно. Замечу только, что опасным является не только “плохой” – “теоретический редукционизм” (сведение психологических закономерностей к физиологическим или биологическим к физическим), но и “нейтральный” конститутивный и экспланаторный редукционизм (Y. Dudi), предусматривающий такие процедуры экспериментальных исследований как выделение одной клетки или органа, объяснение работы всей “машины” по деятельности одного компонента. По мнению М. Midgley, с которой я вновь согласен, ученые и философы, которые думают, что редукция – лишь формальный аспект применяемого метода, часто с удивлением обнаруживают, что они участники драмы: редукция не предполагает симметричных отношений и в случае, когда разработанная для одних условий модель начинает применяться в других условиях (а именно к этому, как правило, стремятся при построении моделей), несимметричность может стать очень существенным фактором.

В качестве “концептуального моста”, позволяющего сопоставить психологическое и физиологическое не напрямую, избежав при этом как ре-

дукционизма, так и элиминативизма, в системной психофизиологии используется теория функциональных систем. С позиций системной психофизиологии, в отличие от психофизиологии коррелятивной, непространственное психическое может быть сопоставлено не с локальными физиологическими процессами, а с общеорганизменными, нелокализуемыми информационными системными процессами, которые не сводимы к физиологическому. При этом психическое и физиологическое оказываются разными аспектами рассмотрения одних и тех же системных процессов, организующих активность физиологических элементов в пределах всего организма для достижения тех или иных полезных результатов. Формулируемые в последнее время как в философии, так и нейронауках, антропологии и пр., представления о том, что психика и тело является не двумя разными вещами, а двумя описаниями одной и той же “вещи”, одних и тех же процессов, организующих активность индивида (Т. Ingold), и о том, что информация имеет два базовых аспекта: физический и феноменальный (D.J. Chalmers), находятся в соответствии с методологией системной психофизиологии.

В заключение уже упомянутой последней статьи А.Р. Лурия, подготовленной им для журнала “Вопросы философии”, он писал: “Общественные формы жизни заставляют мозг работать по-новому, приводят к возникновению качественно новых функциональных систем, и именно они являются предметом психологической науки”. Эта позиция, а также позиция Л.С. Выготского и его последователей, являющиеся важнейшими составляющими отечественной и мировой психологии, указывают на необходимость учета культуры как фактора, определяющего развитие психики. Подобный учет совершенно необходим для того, чтобы избежать довольно распространенного в психологии и психофизиологии “когнитивного солипсизма” (М. Donald), рассматривающего когнитивные процессы в связи с мозгом, но в отрыве от культуры.

Культура с системных позиций может быть рассмотрена как структура, содержащая элементы и единицы, формируемые на последовательных этапах развития сообщества в процессе совместной деятельности индивидов. Между системной структурой субъективного опыта и культурой могут быть обнаружены аналогии. Например, новые, все более дифференцированные элементы культуры и субъективного опыта, формируясь, не заменяют предшествующие, а наслаиваются на них. Актуализация единиц культуры и субъективного опыта обеспечивается за счет одновременной активации элементов, сформированных на последовательных стадиях развития сообщества/индивида. Формирование элементов субъективного опыта – систем в процессе системогенеза

зависит от того, в какой культуре происходит научение, и от характеристик имеющихся у индивида нейронов, специфика преспециализаций которых обусловлена особенностями индивидуального генома. Но и геном в определенной степени зависит от культуры. Культура не только определяет характер формируемых элементов субъективного опыта (даже такой базовый навык как ходьба, является культурозависимым), но влияет на отбор геномов ("ген-культурная коэволюция"), обуславливая, в частности, "культурную комплементарность геномов" в сообществе. В рамках развиваемых представлений оказывается, что психология, молекулярная биология, физиология, психофизиология, социология, культурология и другие дисциплины рассматривают закономерности, характеризующие разные звенья и стороны единого замкнутого цикла: от структуры субъективного опыта к структуре сообщества; затем через совместную деятельность и достижение совместных результатов к структуре культуры; от нее через набор геномов и индивидуальные геномы к нейронным специализациям и от последних к структуре субъективного опыта. При этом в качестве междисциплинарной методологии для этих взаимосвязанных и взаимозависимых дисциплин может быть рассмотрен системно-эволюционный подход.

В дискуссии по второму направлению "**Психология как система направлений**" участвовали проф. В.М. Аллахвердов, член-корр. РАО Б.С. Братусь, профессора А.Ш. Тхостов, В.И. Тютюник и А.И. Донцов, канд. психол. наук В.В. Умрихин. По мнению Б.С. Братуся, задача общей психологии заключается в том, чтобы внести порядок и связь в рассуждения и понятия психологической науки. Увидеть, представить и защитить ее не как один набор методов, методик, феноменов, явлений, но как сущностный, не отчуждаемый тип человеческого знания.

А.Ш. Тхостов выступил с альтернативной позицией. С его точки зрения, такое представление противоречит структуре самой науки: ведь нет "общей физики" или "общей химии". По мнению Тхостова, общая психология — это пропедевтика или эспиранто. Поэтому В.В. Умрихин в своем выступлении обратил внимание на парадоксальную ситуацию в истории психологии, когда достаточно точно можно определить время зарождения отдельных отраслей психологической науки — возрастной, педагогической, социальной, клинической, но трудно ответить при этом на вопрос: когда же появилась общая психология? Отсюда Умрихин делает вывод, что до выделения назван-

ных отраслей на рубеже XIX–XX вв. развивалась единая психология, включавшая в себя, помимо общих фундаментальных принципов, многообразные частные аспекты, ставшие впоследствии источниками развития отдельных отраслей психологии. Когда же психологическое знание дифференцировалось, возникла настоятельная объективная потребность в формировании самостоятельной общей фундаментальной дисциплины, призванной осуществлять в психологическом познании интегрирующую функцию. Такую миссию и могла взять на себя общая психология. Однако развитие общепсихологических концепций в начале XX в. пошло по пути, не совместимому с интегративными тенденциями науки. Вместо единой общепсихологической теории стали развиваться "псевдообщие" психологии. В "Историческом смысле психологического кризиса" Л.С. Выготский вскрыл общий сценарий, по которому развивались теоретические направления психологии начала XX в. Оттолкнувшись от выдвигения частного принципа, эти направления в своем дальнейшем развитии пытались свести к нему всю психическую реальность. Сложилась ситуация, в которой части стали претендовать на целое, а общее сводится к частному. Путь выхода из кризиса начала века усматривался Выготским в построении подлинной общей психологии, не сводящей свой предмет к его важным, но при этом частным аспектам. Однако и до сих пор подобная общепсихологическая система еще не рождена. Историко-методологическим проблемам, связанным с утверждением единства общей психологии, и была посвящена основная часть выступлений на данную тему.

В дискуссии по третьему направлению "**Психология как профессия**", которая проходила утром 31 января, участвовали академики РАО В.В. Рубцов и А.И. Донцов, профессора Т.Ю. Базаров, М.Ш. Магомед-Эминов. В дискуссии были обоснованы концептуальные основания ведущих направлений современной практики. Участники дискуссии проявили мужество, ведя ее сразу после ошеломляющей вести о смерти Андрея Брушлинского.

Кроме пленарных дискуссий в рамках конференции было проведено 43 симпозиума, 5 круглых столов и серия мастер-классов на базе УВК № 1679.

Д. Б. Богоявленская, профессор,
председатель программного комитета
конференции, Москва